

18+

НАТАЛИЯ РАЙ

ПОМНИ МЕНЯ

Наталия Рай

Помни меня

«Издательские решения»

Рай Н.

Помни меня / Н. Рай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531085-9

В детстве всегда мечтаешь вырасти. А с дня взросления начинаются такие проблемы, что мечтаешь вернуть время, когда любую твою беду решали взрослые. Но теперь это приходится делать самой. Ибо розовые очки никогда не падают сами: их всегда сбивает и раздавливает в пыль встретившийся негодяй. И ты стоишь на этих прекрасными осколками и даже нет сил пролить слезу над крушением всех надежд и упований.

ISBN 978-5-00-531085-9

© Рай Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Помни меня

Наталья Рай

© Наталья Рай, 2021

ISBN 978-5-0053-1085-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Мамочка, если вы сейчас на выполните моих распоряжений и не вернётесь в палату, мы не отвечаем за вашу беременность!

– Я не вернусь, выпишите меня!

– У вас угроза выкидыша. И что мы скажем вашему мужу?

– Скажете, что я сама ушла. – Зоя не собиралась вдаваться в подробности относительно мужа.

– Вернитесь в палату. У вас уникальный случай – вторые роды и угроза выкидыша. Но у вас ведь уже есть ребёнок...

– Нету. Он умер.

Зоя соврала: ребёнок был жив. Но дочь носила другую фамилию, долгое время жила в детском доме, а Зоя только навещала её, как можно чаще. Но скрывала факт её существования от всех, в том числе и от человека, который теперь считался её мужем.

Выкидыш был ей нужен, чтобы избавиться от ребёнка, которым она забеременела в результате акта насилия от человека, с которым она вступила в брак с совершенно другими целями! Да, этот фиктивный муж был Зое нужен, но лишь затем, чтобы забрать из приюта, официально удочерить собственную, родную дочь. О чём, конечно, муж, точнее, участник сделки, узнать не должен был ни при каких условиях.

Поэтому она рвалась из больницы: пока была возможность избавиться от нынешнего состояния и успокоить дочь, которая, наверняка, ужасно волнуется из-за исчезновения Зои.

Её, Ксении, появление было для Зои большой бедой. Всё случилось так странно и неожиданно, что она оказалась перед необходимостью самостоятельно решать эту проблему.

Жила она себе спокойно с отцом (мать недавно умерла) в довольно большом городе, и в какой-то чёрный день пришлось ей навестить тётю, живущую в другом, примерно такого же размера, как родной, городе. А что ещё делать в каникулы?

Прямого пути не было: они жили на одной железнодорожной линии сообщения с Москвой (прибывали на Павелецкий вокзал), тётя – на другой (прибывали на Казанский вокзал). И, чтобы добраться от одной линии до другой, а не ехать через Москву, местные власти договорились и пустили автобус между станциями. Вот на такой автобус Зоя и села.

Всё бы ничего, да только автобус опоздал: сломалось в нём что-то и пока водитель чинил машину, поезд, на который торопилась Зоя, взял и уехал. И она осталась на станции ждать следующего. А следующий, поскольку приехала она уже совсем поздно, ожидался только утром, потому что последний по графику почему-то отменили.

Кроме неё на той же станции оказался ждать свой поезд ещё парень. Как выяснилось, демобилизованный солдат с огромным рюкзаком. Сидеть в клетке небольшой станции было скучно, поэтому они вышли из здания и нашли уютную скамейку: у парня было с собой пиво. Зоя не отказалась, хотя этот напиток был ей пока незнаком. Такая она была «отсталая», что ничем, кроме учёбы не интересовалась: очень хотела поступить в московский институт. И поступила.

Под утро она обнаружила, что парня и след простыл, а сама она – от одежды до общего вида – производит впечатление просто ужасное. И самое печальное – она даже точного имени его не знала: сначала он представился Эдиком, но потом, в процессе общения, вдруг сознался, что он на самом деле Николай. Просто не любит этого имени.

Почему он исчез, она не понимала: вроде бы ему нужно было на тот же поезд? Бросил её одну в ночи: да, вроде бы ничего не взял, но ведь другие-то могли её обидеть. Чай, не королевская резиденция, а сквер при станции. Но, поскольку особых потерь она вроде не претер-

пела, то сходила в здание станции, привела себя в порядок (обнаружив, что из неё почему-то вытекло довольно много крови) и стала ждать поезда.

Но потом она сообразила, что именно произошло – Зоя прочитала достаточно много книг, чтобы связать потерю крови, свой растерзанный вид, привычки мужчин и поехала в обратную сторону. В Москву.

Зое было не с кем поговорить о своей проблеме: тем не менее, она понимала, что с ней произошло нечто очень нехорошее. И когда она поселилась в институтском общежитии, по разным признакам и разговорам соседок она догадалась, что, когда месячные исчезают, этому, как правило, есть только одна причина. Изменения, происходящие в её теле, подтверждали, что с ней произошло именно то, о чём говорили девчонки.

Она впала в дикий ужас: что теперь делать? Наверное, нужно сделать аборт, но для этого надо пойти в поликлинику. А это будет институтская поликлиника. И о её состоянии немедленно узнают все!

Тогда придётся рожать? Но ведь все заметят, что она беременна. Надо срочно найти выход! Интернет знает всё и там можно узнать, что другие девушки делают в подобных случаях!

В конце концов, у Зои созрел план: надо найти очень похожую на неё, Зою, девушку и стащить у неё паспорт. А рожать поехать в какой-нибудь городок, где она никогда не бывала и больше никогда не будет. Ребёнка она бросит прямо в роддоме и вернётся в институт.

Её беременности никто не замечал: во-первых, она носила специальный бандаж, во-вторых, одевалась так, что на неё никто особенно не обращал внимания и раньше. А теперь, когда она стала резко неразговорчивой, когда отказывалась от любых предложений – от сходить в кино до прошвырнуться по распродажам – к ней потеряли интерес даже соседки по комнате. Чего она и хотела добиться.

В одно из воскресений она съездила в тёткин город и оттуда послала самой себе телеграмму о тяжёлой болезни тёти. С этой телеграммой она сходила в деканат и получила разрешение пропустить лекции. И исчезла на целую неделю.

Она действительно уехала из Москвы, но с другого, белорусского вокзала: осознанно взяла билет в конечную точку маршрута, но оказалась в ближайшем городке районного значения. Там её, прямо со станции, отправили в роддом: она (спасибо интернету) вовремя приняла лекарство, которое вызывало родовые схватки. Украденный паспорт оказался единственным документом, который был при роженице. Никто и не усомнился, что паспорт может принадлежать не ей.

Когда она почувствовала, что уже может вернуться в институт, то обратилась к главврачу и написала отказ от ребёнка.

– Даже не уговаривайте. – И она рассказала, каким образом оказалась беременной. – Если бы я была ваша дочь, вы бы мне тоже советовали этого ребёнка оставить?

Врач потупился и промолчал. Потому что заявить, что его бы дочь в таком же положении не оказалась, означало изобразить из себя Господа Бога. А ни один разумный человек никогда подобного не делает.

Но она пообещала врачу, что, по возможности, будет появляться. Если ребёнка никто не удочерит, она будет о нём заботиться. Но забрать девочку ей совершенно некуда. Тем более, что она ещё учится, причём курс только первый. Не в общежитие же забирать младенца. Родственников, которые помогли бы, у неё тоже нет. Так что или так, или никак – уедет и не вернётся. Если нельзя приезжать время от времени.

– Я придержу ваш отказ: пока будет можно держать её в больнице – она достаточно слабая – я буду держать её здесь. А потом, уж извините, передам её в дом малютки.

На летние каникулы Зоя домой не поехала: отец, молодой ещё мужчина, чуть за сорок, успел привести в дом женщину. А она не хотела эту женщину видеть. Отцу ничего не остава-

лось, как выплатить дочери стоимость её части дома и просить выписаться. Зоя на эти деньги смогла купить очень маленькую комнату (на какую денег хватило) в одном из дальних подмосковных городков и прописаться на собственную жилплощадь. В том городке, куда перевели из больницы её незаконнорожденную дочь.

Но и сюда она ребёнка приводить не собиралась. Она вообще не собиралась кому бы то ни было сообщать о существовании этого человечка. По крайней мере – ближайшие годы, пока не получит диплом и не устроится на работу. А когда устроится – будет видно. Пока же, она нашла подработку, которая не мешала учёбе, хотя Зоя и получала стипендию: жила крайне скромно, поскольку хотела накопить на квартиру. Здесь, в Москве. Так что на визиты в дом малютки времени особенно не было. Примерно раз в два-три месяца она там появлялась, чтобы самой не привыкнуть. Она уже постановила, что когда выйдет замуж, то это будет сделка: она предложит мужу взять ребёнка из детдома. А когда он согласится, привезти его именно сюда, к дочери. И официально её удочерить.

Но до этого было далеко: она пока училась только на третьем курсе. Поэтому оставалось выполнять все запланированное, чтобы, пусть и не к концу учёбы, но вскоре после неё, купить квартиру в новостройке, причём с нулевого цикла – чтобы подешевле. Год-два, пока будут строить, она подождёт. Тем более, что пока она так и живёт в общежитии, то есть имеет полную возможность экономить как можно больше.

Зое сильно не нравилась безалаберность соседок по этажу: бесцеремонно взять чужую еду считалось нормальным: а что такого, ты тоже возьми моё. Ну да, ну да, особенно если учесть, что твоего-то в холодильнике почти не бывает. Посему пришлось переходить на «быструю еду». Она отыскала два очень полезных места: очень дешёвую кафешку, где обедала и покупала кое-что на вынос, чтобы съесть его по дороге в институт или на работу, и не менее дешёвую кулинарию, где покупала то, что можно было быстро приготовить и тут же съесть. Дабы не вводить в соблазн голодных соседок. Так что холодильником она пользоваться почти перестала.

На те немногие потребности, которые она себе позволяла, ей хватало стипендии. А всё, что она зарабатывала, она клала в банк. А потом ещё и догадалась, что ведь комнату-то можно сдавать: денег немного, но и они лишними не будут. Правда, теперь она лишалась места, куда время от времени ездила отдыхать от шума и гама общежития, но цели должны быть достигнуты. А это, дополнительное, лишение пережить будет легче, если сказать себе, что ведь отец мог ей ничего не выплачивать. Так что это она просто не ценит подарков судьбы. А за них, эти подарки, вообще-то, принято благодарить.

Она и благодарила. И постоянно интересовалась ценами на недвижимость: когда она дождётся своей квартиры, эту комнатку она продаст и за эти деньги сделает ремонт и купит мебель и прочие бытовые приспособления. Она искала достаточно надёжного и при этом дешёвого застройщика: статьями об обманутых дольщиках были полны все интернет-издания.

Все её цели были достижимые и реальные. Но одна была крайне трудной: она хотела иметь семью. А для этого надо было найти достойного мужчину. Это казалось просто нереальным: Зое теперь казалось, что все мужчины просто помешаны на сексе и при этом поголовно больны полным отсутствием нравственности. Разве он не видел, что ей всего семнадцать, что она пила впервые в жизни и просто выпала из реальности? Видел. Парень после армии, то есть старше её, самое малое, на два-три года и опытнее на приличный кусок жизни. Но ничто ему не помешало сделать то, что он сделал. И смыться.

Она не жалела, что не знает его имени. Даже если бы знала, не только не стала бы искать, но предприняла бы все меры, чтобы он о её несчастье не узнал. И она точно знала, что в Москву он не поедет, поскольку она рассказала, что поступила в именно московский институт.

После этого случая она изменилась: если раньше могла болтать о своих делах с кем угодно, то теперь этого не делала в принципе. И терпеть не могла подобные вопросы. И каждый раз обрывала собеседника:

– Я у тебя ведь ничего подобного не спрашиваю? Так с какой стати ты суёшь свой любопытный нос в мои личные дела?

Народ был в шоке, но вскоре вопросы ей задавать перестали. Светскую беседу с ней можно было вести сколько угодно – об искусстве в любых его видах, о погоде, о благоустройстве дома, города и страны... Но только не о личном. Это запретная территория.

Так что её репутация – скрытной и даже хитрой – была, в общем, заслужена. Хотя никакой хитрости в ней не было. Но как при таком, так сказать, имидже, встретить нужного мужчину? Кто рискнёт с ней, такой хитрой, связаться? А самое главное – с кем рискнёт связаться она?

Впрочем, времени у неё в запасе было много.

Глава 2

Забыть совершенное с ней представителем мужской половины человечества Зоя так никогда и не смогла. Понимала, что переносить впечатление от поступка одного на всех остальных, по меньшей мере, глупо, но ничего с собой поделаться не сумела. Хотя, ещё до всего этого, и планировала выйти замуж. Но потом условия изменились и основным двигателем стала необходимость: удочерить собственную дочь, записанную под совсем другой фамилией. И при этом никто не должен был знать, что это именно её дочь. Особенно – муж.

Зоя для себя решила и постановила, что, поскольку с привычкой мужчин «приходовать» всё, что шевелится, никто справиться не в состоянии, то она примет ухаживания того, кто будет готов взять ребёнка из детдома. А ещё точнее: заключит с ним договор именно об этом. Все остальные нюансы и аспекты семейной жизни она просто отметала – цель её замужества была сугубо корыстной. Именно для достижения своей тайной цели она была готова выйти замуж за кого-то более-менее приличного. Условием было хотя бы временное его состояние порядочности.

Её не тревожило, что фиктивный муж может вспылать к ней какими-то чувствами. Это будут его проблемы! Сама она влюбляться не собиралась: поверить, что в мире существуют по-настоящему порядочные мужчины, она была не в состоянии. Пока у него действует нижняя часть, о порядочности и речи быть не может. Она точно знала: даже в случае, когда он по-настоящему любит, любая призывно взметнувшаяся юбка превращает человека в охваченного похотью самца. Так что Зоя заранее была готова к изменам. Впрочем, это и не измены даже, а неконтролируемый выброс гормонов, который превращает человека в животное. Пусть и временно. Но факт остаётся фактом.

Зоя считала, что если заранее быть готовой к определённым фактам, то её замужество состоится и она сможет прожить нужное для удочерения количество времени. А потом можно и развестись, если всё остальное её резко не устроит. Ибо терпеть то, чего можно не терпеть – глупо.

Она не хотела проверять, есть ли у неё возможность удочерить ребёнка без вступления в брак. Пока, она и так понимала, у неё нет работы с достойным заработком и собственного жилья, её шансы равны нулю. Но и потом, когда оба фактора станут реальностью, шансы повысятся не очень. Органы опеки предпочитают отдавать сирот в полные семьи. Так что придётся через это пройти. И Зоя готовилась психологически, чтобы не выказывать будущему супругу своего не просто недоверия, но и постоянного, в глубину загнанного, но неистребимого омерзения от знания, что такое особь мужского пола в натуральном виде. Какого бы статуса не достиг и сколь обаятельным не выглядел бы.

Оставшиеся два года учёбы Зоя постоянно присматривалась к окружающим, оценивая, кого из них она смогла бы вынести в ближайшем своём окружении. Причём нельзя забывать, что ведь, вполне возможно, придётся исполнять супружеские обязанности. Ссылаться на мнимую головную боль она не станет, но постарается этого избежать в принципе. По договорённости. Есть другие способы удовлетворить так называемые «мужские потребности». Без её участия. Вот когда у неё образуются какие-то отношения... А они образуются либо когда она обнаружит искомого партнёра, либо когда получит диплом, устроится на работу и купит жильё.

С работой проблем быть не должно: Зоя выбрала самую популярную профессию экономиста-бухгалтера. Если ты хорошо разбираешься в, так сказать, функционировании «потрохов» бизнеса, то останется только выбрать честную контору, где руководство не ворует, точно зная, что сидеть будет не оно, а те, кто будет выполнять незаконные операции.

Имея сейчас возможность подрабатывать, она очень тщательно выбирала фирму, которой предлагала свои услуги. Начинала она со сбора информации о данной фирме. Если уметь

эту информацию собирать со вполне открытых источников в интернете, то можно составить такое досье на любую контору, что его за приличную цену можно было бы сбывать различным спецслужбам. Если только они располагали бы средствами на такие приобретения. Это Зоя, кстати, сделала своим хобби и способом заработка на будущее. А почему нет? Вполне можно составить каталог досье на любые предприятия. И иметь на этом неплохой приработок. Но это – потом. Пока ей были нужны обычные заработки и она не желала влипнуть. То есть она искала фирму, в которой перешла бы со временной на постоянную работу. Без опасности в будущем загреметь на нары. И она тщательно разбиралась, кто чем дышит.

Благодаря хорошему владению компьютером, Зоя работала в удалённом режиме. Это давало ей возможность располагать своим временем так, как ей удобно и угодно. Ежедневно, после лекций, она шла в обычное кафе – пообедать, а потом в интернет-кафе – работать.

У неё был свой ноутбук, но она старалась им в общественном месте не пользоваться. Всё равно приходится платить за пользование, так отчего же не пользоваться? Она и пользовалась, а всё, что удалось выполнить в этот день, просто сбрасывала на флешку и разбиралась с этим уже в общежитии. Там была комната для занятий, но Зоя в ней появлялась только тогда, когда могла надеяться, что основная студенческая масса занимается разными другими делами – спит, гуляет, ушла развлекаться и прочая.

Если проверка сделанной работы показывала, что всё в порядке, Зоя отправляла файл на работу, показывая, что готова к дальнейшему труду на благо фирмы. Что не мешало ей продолжать собирать информацию как на эту контору, так и на все подобные, куда можно было в будущем устроиться на нормальную должность.

Решая два важнейших вопроса, Зоя не забывала и о третьем – поисках будущего мужа. Если кто-то казался ей достойным внимания, она и на него собирала досье: от сплетен до фактов биографии и карьеры. Правда, таких кандидатов пока было всего трое, но она никак не афишировала своего к ним внимания. Настолько, что они даже не подозревали, что удостоились изучения со стороны такой закрытой особы.

Отбирала она их не потому, что они ей понравились – ей никто не нравился, потому что она никому из мужчин не доверяла даже на сотую долю процента – а потому, что мнение о них было скорее положительным, чем отрицательным. Не в общественном мнении, а в её, Зоинном. Правда, со временем имена менялись – о каждом появлялась информация, негативная настолько, что они начинали представляться в её сознании такими же, как тот, кто осквернил её, оскорбил и разрушил. Всё, что было в ней нежного и открытого, было растоптано человеком, которому она не сделала совершенно ничего плохого. Почему он так поступил? Потому что он – мужского пола. Со всем отсюда вытекающим.

Нет, Зоя не стала мужененавистницей. Скорее – мужефобкой. Она боялась в каждом того момента, когда гормоны отключают мозг и вполне приличный, до этого мгновения, человек становится способным изнасиловать любую, которая в эту чёрную минуту оказалась в его поле зрения. А она больше ни в чьём поле зрения не окажется.

Если её что и радовало, так это размер её накопительного счёта. Ещё год и она сможет внести половину суммы за будущее жильё. Вторую половину она накопит за время строительства. А на ремонт и обустройство пойдут деньги за комнату, которую она продаст сразу же после получения квартиры в личную собственность.

Зоя всё больше склонялась к мысли, что замужество должно быть просто сделкой: ты мне штамп в паспорте и помощь в удочерении, я тебе – определённую сумму. Но без всяких физических обязательств с моей стороны. В таком огромном городе как Москва найти даму для удовлетворения своих, так называемых мужских потребностей никогда проблемы не составляло. Впрочем, до этого ещё очень далеко.

Ближе к диплому Зое пришлось оставить одну из трёх работ, тем более, что фирма провляла все, пока неочевидные для других, признаки близкого банкротства. Понятно, что рядо-

вые сотрудники этого не знали, зато руководство было в курсе. И Зоя была в курсе. Потому что её интересовало настоящее положение дел. Никому об этом сообщать она не собиралась, но как место будущей работы данная фирма не подходила совершенно. Так что она рассталась с ней на том основании, что больше не располагает возможностью работать: диплом нужно писать. И её спокойно отпустили.

Но досье на фирму и руководителей у Зои осталось: мало ли, вдруг в каком-то ещё штате всплывут фамилии этих мошенников и аферистов? Даже при временно блестящем положении дел можно не сомневаться, что и эта контора вскоре отправится в списки банкротов.

Искать замену Зоя не стала: диплом действительно нужно было писать. И она тратила на это всё остающееся от двух работ время. Тем более, что опыт работы в нескольких фирмах дал ей обширный материал для иллюстраций своих тезисов. Она была намерена получить красный диплом и не сомневалась, что это ей удастся, причём довольно легко. В чём Зоя оказалась совершенно права. Она знала аргументированные ответы на все заданные ей на защите вопросы. Ещё бы ей этих ответов не знать!

Поскольку одна из задач была выполнена, Зоя нашла близко от центра маленькую, а потому недорогую комнату, куда и переехала. И приступила к поиску будущей постоянной работы. Но она начинала не с рассылки резюме, а с изучения имиджа будущего работодателя. Поскольку она имела свой личный кабинет в налоговом ведомстве, то выяснить данные о любой фирме труда не составляло. Оставалось изучить балансы за последние пару-тройку лет. Если фирма оказывалась растущей – во всех положительных смыслах – тогда Зоя расширяла свой интерес к ней.

Когда всё, что выложено в открытом доступе, было ею досконально проанализировано, в две из них Зоя послала свои резюме. Учитывая, что с каждой своей временной работы она позаботилась получить характеристики и отзывы (их, конечно, писали, как подтверждение прохождения практики), она позволила себе указать эти конторы как места, где она приобретала практический опыт работы по специальности.

Приглашение на собеседование она получила из обеих фирм. Оставалось теперь привести себя в безукоризненно деловой вид. Зоя уже давно позаботилась приобрести довольно дорогой деловой костюм и несколько рубашек к нему. Обувь и прочие аксессуары были выдержаны строго в тон рубашке и галстуку.

Она научилась накладывать макияж так, что его практически не замечали. С причёской она решила проблему просто: постриглась коротко, но модно. Такие волосы легко было причёсать и уложить так, что они долго сохраняли форму. За руками она следила очень тщательно: когда собеседнику неловко смотреть прямо в лицо, он смотрит либо на одежду, либо на руки.

Ну, и завершающий штрих – духи – она нанесла с полным удовлетворением. На что нельзя жалеть денег, так это на парфюм!

Она тщательно и придирчиво осмотрела себя в зеркало со всех сторон. Такой ошибки – спереди навести полный порядок, но забыть о том, как ты выглядишь сбоку и со спины – она себе позволить не могла.

Обе фирмы, куда она отправила резюме, назначили собеседование на один и тот же день, с разрывом в два часа. Первая была похуже, в некоторых аспектах, и туда следовало придти к девяти часам. Вторая, с гораздо более достойными характеристиками, назначила на половину двенадцатого. Но расстояние между ними было приличным, а спешка была противопоказана. Поэтому Зоя, явившись чётко без десяти девять, поскольку терпеть не могла опаздывать, так и сидела на стуле даже через сорок минут.

Взглянув на часы, она молча встала и вышла. Из комнаты, а потом из здания: если люди не в состоянии исполнить собственные обязательства, связываться с ними – себе дороже!

По второму адресу она прибыла с солидным запасом. А поскольку время у неё было, она внимательно осмотрела офисный центр: нарисовать цифры тоже можно, если уметь, какие угодно. А реальность часто бывает чрезвычайно угнетающей...

Так же, за десять минут до назначенного часа, она появилась в офисе, заявила о своём прибытии и уселась ждать на указанное кресло. Вызвали её точно в указанное время.

Глава 3

Собеседников было двое: работник отдела кадров и старший экономист. Это был хороший знак: значит, её воспринимают всерьёз. А поэтому, после нескольких чисто кадровых вопросов собеседование плавно перетекло в следующую фазу. Ей предъявлялись различные документы и предлагалось то найти ошибку, то сделать анализ деятельности по какому-то аспекту, то дать прогноз развития другого аспекта.

Зоя отвечала легко – со всем этим она за последние годы работы сталкивалась постоянно. Это и была её работа. Только здесь размах был куда существенней. А в принципе – то же самое.

В заключение ей был задан вопрос, сильно её удививший: согласится ли она дать обязательство не уходить в декрет в течение пяти лет. Она не спросила, означает ли это, что ей предлагают контракт на эти пять лет, не возмутилась, что перешагнули границу профессионального и личного, а спокойно ответила, что в её планы на ближайшие годы декрет не входит. Как, впрочем, само замужество. Но дети – уж точно в её планах отсутствуют.

– Проблема в том, что за нарушение этого пункта в контракте прописан весьма солидный штраф – три миллиона.

– Меня это не пугает, поскольку я намерена заниматься достижением других целей. Материальных.

Наступило молчание. Зоя восприняла эту тишину спокойно – она принадлежала к людям, на которых тишина действует благотворно. Её не то, что не волновало, примут её или нет – она ведь только начинала поиски работы и была не совсем уверена, что именно эта фирма самая лучшая. Наверняка есть и более надёжные. Она не торопилась с решением – ей хотелось найти работу надёжную и как можно более высоко оплачиваемую. Понятно, что на самую высокую зарплату она рассчитывать пока не может, поэтому крайне важна возможность карьерного (и финансового) роста.

– Вы всегда так хорошо владеете собой?

– Стараюсь.

– Неужели вам не хотелось бы услышать наше решение?

– Мне было хотелось – в том случае, если вы решите взять меня на должность – ознакомиться с контрактом. Похоже, у вас есть некоторые дополнительные аспекты по сравнению с общепринятым шаблоном. Только ли этот пункт, относительно декрета, или ещё какие-то? Не вторгаются ли они в личное пространство?

– Вас это беспокоит?

– Это должно беспокоить любого человека. Повторяю – у меня есть некоторые планы и цели. Например, приобрести жильё. Мне необходимо личное время, чтобы выяснить всё о фирме-застройщике. А поскольку я далеко не дока в недвижимости, то времени понадобится много. Оказаться в списке обманутых дольщиков у меня нет совершенно никакого желания.

– А ещё какие планы?

– Много разных.

Зоя продолжала спокойно ожидать решения собеседников, но уже стала поглядывать на часы – уже больше полутора часов её проверяют на пригодность работы в фирме. Ей показалось, что собеседование слишком затянулось. Если тут всё решается с такой скоростью, то просто странно, что найденные Зоей данные по фирме довольно солидны. А насколько достоверны?

Экономист решил:

– Вы приняты с испытательным сроком три месяца. Контракт будет подписан после истечения этого срока. Если наши мнения не изменятся. Надеюсь, вам у нас понравится.

– Я тоже надеюсь.

– Вам придётся отказаться от тех работ, которые у вас есть на данное время, потому что иначе вы просто не сможете выполнять свои обязанности в полном объёме. А работы у вас будет много.

И он озвучил начальную зарплату, которая, и правда, перехлёстывала имеющиеся у Зои две.

Она согласилась:

– Только мне придётся сначала сдать дела. Не могу же я просто бросить людей, которые мне доверились.

– Для этого мы даём вам один день. Иными словами, вы работаете четыре дня, а в течение пятого улаживаете все дела по увольнению.

Зоя сочла это разумным.

Её пригласили подняться в отдел и познакомиться с коллективом. Показали стол, за которым ей предстоит работать, обрисовали примерный круг обязанностей и расписали, какие льготы ей положены по социальному пакету. Всё было достаточно привлекательно. Вот только Зоя предпочитала не доверяться тем, кто мягко стелет.

Вернувшись домой, она сочла, что надо разобраться с оставшимися невыполненными работами и отослать их вместе с заявлением об уходе. Если её попросят ещё некоторое время помочь, пока вакансию не заместят, она готова была согласиться. Одним из её железных законов было: никогда не плевать в колодцы, из которых она хоть раз пила воду.

Испытательный срок она выдержала, не напрягаясь: после одновременной учёбы и двух работ эта одна была для неё почти развлечением. А потому она попутно создала папки на всех партнёров – с подробными данными о руководстве, обслуживающих банках и их рейтинге, оборотах и так далее. Причём эти данные были разнесены в разные папки: поставщики, покупатели, конкуренты и так далее.

Когда ей было предложено подписать контракт на ближайшие пять лет, Зоя, как и собиралась с самого начала, подробно изучила этот контракт. Она точно знала, что самые важные, но чрезвычайно отягощающие для одной из сторон, обязательства обычно печатают самым мелким из шрифтов. Она прочитала всё, кое-что в контракте пришлось изменить, но тот пункт, который фирма считала самым тяжёлым – не уходить в декрет в течение пяти лет – как раз оказался самым простым и лёгким.

Ещё до конца года тот самый старший экономист, который проводил с ней первое собеседование, несколько раз позвал её на свидание, а когда она отказалась уже в невесть который раз, возмутился:

– Но почему? Я тебе противен, что ли?

– Вовсе нет. Я равнодушна к тебе точно так же, как и ко всему прочему мужскому населению планеты.

– Так дай мне шанс завоевать тебя!

– Зачем?

– Чтобы мы поженились, в конце концов.

Зоя задумчиво на него посмотрела:

– Видишь ли, в чём дело, дружок – тут есть некоторые аспекты. Замуж я выйду только при том условии, что мой муж согласится удочерить ребёнка из детдома. Так получилось, что жизнь свела меня с этой девочкой, я стала её навещать, а поскольку она никому, кроме меня, не нужна...

– Ты и сама могла бы это сделать.

– Нет. Пока у меня не было постоянной работы со стабильной зарплатой, а самое главное – квартиры я этого сделать не могла. Но сейчас с квартирой вопрос решается – года через два дом, в котором я стала дальщицей, построят и я буду иметь жильё. Но даже при этих

условиях одиноким с куда большими трудностями отдают детей. А в полную семью – легко и быстро.

– А если свои дети появятся?

– Это вряд ли. Потому что мой брак будет чистой воды сделкой. Включающей, к примеру, условия, что имущество будет отдельным – не только приобретённое до брака, но и в течение оно.

– О как! А это ещё почему?

– Понимаешь, дружок, ты только не обижайся, ладно? Если меня бы спросили, отношусь ли я лучше к мужской половине человечества или к своим соплеменницам, я бы ответила, что первые имеют преимущество. Хотя и небольшое. Потому что у мужчин – практически у всех – есть тяжелейшее генное заболевание, которое, увы, никто даже не начинал лечить.

Потенциальный супруг уронил на пол челюсть:

– А именно?

– Неспособность пропустить потенциальную партнёршу даже в том случае, если данный конкретный мужчина пару секунд назад расписывал, как он счастлив с самой любимой и прекрасной из женщин и как он дорожит своей семьей. Стоит появиться соблазнительному куску мяса, демонстрирующему готовность вступить в контакт – вся любовь, всё обожание, все ценности мгновенно улетают в тартарары...

– Это просто бред какой-то!

– Да? Вспомни, пожалуйста, все ваши мужские разговоры о том, сколько, кого и в каких позах вы поимели. Вспомни хвастовство о числе имён в ваших дон-жуанских списках. И наличие обожаемой супруги ничему тут не мешает, а? Из каждых ста мужчин минимум семьдесят в данную минуту имеют интрижку на стороне, часто прямо на работе, ещё двадцать пять находятся либо в состоянии смены одной партнёрши на другую, либо в активном поиске... И только четверо – и это я ещё очень милосердна! – сохраняют верность жене. Причём из этих четверых двое манкируют этим развлечением из-за большой занятости (но в первую же свободную минуту немедленно устраняют это недочёт), ещё двое – из-за невозможности иметь любовницу по болезни этих самых запчастей, временно нерабочих. И только один остаётся верным, потому что иначе не может. Не нуждается в изменах.

– Хорошего же ты о нас мнения!

– Конечно, хорошего. Предпочитаю общаться именно с мужчинами. Вы отличные друзья – если удаётся вас убедить, что со мной никаких кувырканий не будет никогда. И, повторяю, я считаю это наследственной болезнью.

– Но мы здоровы!

– Конечно. Во всём остальном – конечно. Это как учёные, которые свихнулись на попытках доказать теорему Ферма. Во всём остальном – совершенно адекватные люди. Но стоит упомянуть о данной теореме и всё: все наполеоны шестых палат отдыхают.

– И как ты с такими мыслями собираешься замуж?

– Я туда особо не собираюсь. А если – да, то исключительно затем, чтобы взять ребёнка, перед которым у меня обязательства. Но брачный контракт будет мне гарантировать полную свободу во всём.

– А если ты влюбишься в своего мужа?

– Видишь ли, дружок, я так досконально разобралась в вашей болезни, что влюбиться в неизлечимо больное существо вряд ли окажется мне по силам. Пожалеть – да, помочь – да, попытаться остановить припадок – да... Но если бы психиатры влюблялись в своих пациентов, система этой отрасли медицины давно бы заглохла, а то и исчезла вовсе.

Ухажёр пучил глаза и пытался понять – это она всерьёз или это такое изысканное издевательство, которое невозможно понять? Он знал, что лучшие шутки как раз с такими лицами произносятся, но тут, похоже, крутой перебор. Или у него последние мозги отказали.

Несколько недель ухажёр внимательно наблюдал за тем, как Зоя общается с коллегами. Нормально она общалась. Сразу после того, как каждый совершил свою попытку и убедился, что напрасно тратит силы, мужчина становился нормальным и интересным собеседником.

– Но в театр или в ресторан со мной ты сходить можешь? Или это противоречит твоему образу жизни?

– Могу, конечно, мне тоже нужно иногда отдыхать. Но это именно отдых и ничего больше.

– Так устаёшь на работе?

– Не только. Я ведь получаю ещё второе высшее образование: меня ужасно интересует политика как таковая.

– Собираешься менять профессию?

– Пока нет, просто хочу понимать, что, почему и как происходит. Это ведь довольно интересно.

– А личная жизнь?

– Это и есть моя личная жизнь. А потом я, надеюсь, мне удастся забрать девочку – вот только дом достроят и квартира станет моей.

Зоя достаточно часто позволяла себе отдохнуть, причём к этой категории она относилась и походы в магазины с хорошей одеждой, обувью и косметикой. Она, получив, наконец, возможность, нормально одеваться, пользовалась этим с большим удовольствием. А ещё она купила себе небольшой автомобиль – практичный, удобный, цвета тёмно-жёлтой глины. На него она потратила зарплату с дополнительной работы, которую легко нашла после получения постоянного контракта. Деньги были хотя и небольшие, но рассчитаться за машину ей вполне их хватило.

Теперь она могла минимум дважды в месяц навещать в детдоме свою подопечную – стоит несколько ослабить внимание, как ребёнка начинают показывать потенциальным усыновителям.

Она соединяла полезное с приятным – после посещения дочери обычно заезжала в попутные деревни к уже знакомым людям и покупала там молочные продукты, фрукты и овощи, да и некоторые приятные поделки, чрезвычайно полезные в хозяйстве.

В этот раз она заехала только в ближайшую деревню, дорога в которую была асфальтированная – дождь лил с утра и не собирался останавливаться. Поэтому она ограничилась визитом только в один дом и поехала обратно. Но притормозила на остановке: там мокла с почти бесполезным зонтиком одинокая женщина, достаточно пожилая, чтобы её пожалеть.

– Садитесь, подвезу!

– Да ты что, дочка, у меня и денег таких нет.

– Садитесь, говорю!

Женщина уступила.

– Так куда вам?

– В Москву, своим продукты отвезти. А тут автобус что-то припозднился. То ли сломался, то ли в пробку попал – а всё нет его и нет.

– А в Москве куда? На какую улицу?

Выяснилось, что это совсем рядом с домом самой Зои. Она теперь жила в корпоративном доме в служебном жилье. Фирма была настолько солидная, что купила в максимальной близости к офисному зданию один подъезд в новом доме, где и селила самых ценных сотрудников. Такая своеобразная добавка к зарплате, весьма существенная, потому что цены на съёмное жильё достаточно высокие. И даже за коммунальные услуги платила фирма.

Глава 4

Пока ехали, женщина рассказала, что везёт продукты двум сыновьям: старший у неё учёный, химией занимается (ему уже двадцать восемь исполнилось, а до сих пор не женился), а младший, которому только двадцать два, учится в институте. Готовить умеют, но ленятся, а потому она не только привозит им еду, но и забивает морозилку полуфабрикатами. Им потом остаётся только отварить или поджарить.

– Знала бы я, что ты меня подвезёшь, больше бы взяла, а так – трудно тащить, тяжёлое всё.

– Что же они сами не приезжают за продуктами?

– Иногда приезжают, но им проще в магазине купить – быстрее. А там из чего это всё сделано – не угадаешь.

– Вот и я люблю деревенское.

– Так приезжай ко мне – у меня и корова своя, и огород большой, и сад есть. Всего много. И консервирую всё, потому что зима-то – она всё съест. Вozить вот только тяжело.

– Я в следующий раз там буду недели через две, а то и через три. Не могу ничего обещать.

– Адрес-то мой запиши, да и приезжай, когда приедешь. А ты чего туда ездешь-то?

Зоя честно рассказала, что навещает ребёнка в детдоме.

– Своего бы родила! Тебе сколько лет-то?

– Двадцать пятый идёт.

– Так пора уже!

– Нет, сначала я с девочкой вопрос решу. Да и не за кого, – пошутила Зоя. – Те, кто меня хочет, мне не любви, а кого я хочу – того я ещё не знаю.

Елена Степановна, как представилась пассажирка, шутку не оценила. Для неё вопрос семьи был делом важным, шуткам не подлежащий.

– Если бы мой Георгий так безвременно не ушёл, я бы до сих пор его лелеяла. Мне достался самый лучший в мире мужчина! Но сердца не берёт, вот и унесла его болезнь безвременно.

Зоя посочувствовала – трудно терять близких людей.

На вопросы о своей жизни она отвечала коротко и неохотно. Сказала, откуда родом, что мать умерла, отец женился второй раз, братьев-сестёр нет, только более дальние, но ей некогда с родственниками общаться.

– Чем же ты таким занята?

Она рассказала о своих работах и целях: обязательно купить свою квартиру: именно это есть одно из главных условий для оформления удочерения. Если она замуж и выйдет, то именно с этой же целью: облегчить решение этой проблемы. На некоторое время. А потом жизнь покажет.

Пассажирка промолчала, тем более, что они как раз подъехали – дождь продолжал лить, но Зое снова пришлось выйти – достать из багажника баулы Елены Степановны.

– Ты заезжай ко мне обязательно! Адрес не забыла?

Зоя улыбнулась – нет, не забыла.

Но заехать у неё не получилось – наступивший месяц оказался таким загруженным, что она даже в детдом не смогла вырваться. А только звонила каждую неделю и сообщала, что навестить их не сможет. Девочку, Ксению, тоже звали к телефону и Зоя разговаривала с ней.

– А ты не забудешь меня? – спрашивала девочка.

– Ну что ты, конечно, нет, мы же с тобой дружим уже столько лет. Я просто сейчас очень занята, много работы. А потом я приеду обязательно.

– Ты помни меня, а то у меня больше никого нет.

Зоя сглотнула ком в горле и твёрдым голосом пообещала помнить. Больше того, она ведь Ксению никогда и не забывала.

Никто понятия не имел, что Зоя – мать Ксении и она не собиралась никого ставить в известность об этом. Тот, украденный паспорт, Зоя давным-давно уничтожила, так что фамилии у неё и у девочки были разные и вряд ли кто догадался бы сделать тест на материнство.

О своей пассажирке за это время Зоя почти забыла – не до случайных знакомств при такой загруженности. И не только по основной работе. Ей подбросили временную, но чрезвычайно объёмную и при этом очень, просто очень срочную, то есть весьма хорошо оплачиваемую, работу, деньги за которую она была намерена присоединить к сумме, которую предстояло внести за свою будущую квартиру.

Но Елена Степановна не забыла о Зое. Начать с того, что она провела в квартире сыновей целых три дня и всё это время зудела старшему сыну в уши, что вот есть же прекрасная девушка, так что она просто возмечтала, чтобы заполучить такую невестку. Но сын отбивался шуточно и говорил, что у неё и у него уж очень разные взгляды на то, какую девушку следует считать хорошей. Невесткой она, возможно, и будет хорошей, а вот будет ли она столь же хорошей женой – большой вопрос!

– Ничего, вот сам с Зоей познакомишься и поймёшь, что я права!

– Да как же с ней познакомиться, если ты ни номер телефона у неё не спросила, ни адрес, ни фамилию, ни даже номер машины. Прямо фантом какой-то, а не девушка.

– Никакой не фантом, а свой адрес я ей дала и она обещала приехать. И приедет обязательно!

– Вот как приедет, сразу же зови её к нам в гости! Или хотя бы запомни хоть что-нибудь. Хоть номер машины запиши!

– Зачем?

– Так по номеру я её в шесть секунд разыщу!

– Главное, чтобы она приехала.

Зое же было не до поездок и не до прочих радостей жизни. Дошло до того, что она даже в магазин не ходила, а заказала доставку продуктов на дом. Потому что поход в магазин это, прежде всего, потеря времени. А такой роскоши они себе позволить не могла.

Усталость была причиной её максимально корректного по форме, и неопишимо грубого по содержанию ответа на очередное приставание старшего экономиста, который так и не смог заставить себя отказаться от видов на Зою:

– Откуда у тебя такое о мужчинах мнение?

Ну да, так я тебе и рассказала.

– Разве ты не согласен? Поговори со своими соплеменниками, особенно с женатыми. И если ты среди всех собеседников найдешь хоть один процент сохраняющих верность, мы продолжим разговор.

Он так и оставался для Зои человеком с конкретной должностью, служебными правами и обязанностями. И был занесен в каталог «зануды» – если человек более чем за три года не дошёл до простой мысли, что ты кому-то не интересен, то у него явно проблемы с интеллектом. Мысль, что он влюбился, никогда в голову Зое не приходила. Но если бы и пришла – ничего не изменилось бы: он был ей совершенно безразличен.

Время шло, Ксении поздней весной исполнилось уже пять и Зое, кровь из носа, нужно было сделать всё, чтобы в школу она пошла уже московскую. Оставалось только два года, чтобы решить две проблемы: купить свою квартиру и найти нужного человека для брака. И если с квартирой всё было совершенно реально – две трети суммы для покупки у неё уже было, на остальное можно взять ипотеку, то с кандидатурой супруга был полный провал.

Зоя сочла, что пора начинать решать эту проблему. Экономиста она отмела сразу – даже на работе он достал её сверх всяких терпимых пределов, а заключать с ним какие-либо (тем

более – такую) сделки было бы чистым безумием. Да и вообще – на работе лучше кандидатов на эту сделку не искать. А тогда где?

Подруг у Зои было всего две – бывшие сокурсницы. Но женщинам Зоя интуитивно не доверяла: возбуждать чью-либо зависть или ревность она совершенно не собиралась.

Оставались её прежние работы, где у неё завязалось несколько хороших дружеских связей, но они были хороши как друзья, для сделки не годились по той простой причине, что были женаты или увязли в романах. Переходить кому-либо дорогу Зоя вовсе не собиралась. Зачем, когда в мире столько холостых и совершенно свободных мужчин?

Освободившись от рабочих сложностей, Зоя, пока ехала в детдом, пришла к выводу, что самое разумное – обратиться в брачное агентство. Она выставит свои условия, предложит предпочтения и кто-нибудь непременно отыщется. Но это потом, сначала – Ксюша.

На обратном пути Зоя решила объехать всех, у кого прежде покупала деревенские продукты – уже больше месяца она тут не была и холодильник был угнетающе пустым. Нет, продукты были, но совсем не того качества, к которому Зоя уже успела привыкнуть.

Объехать всех ей не удалось, уже после первого адреса она вспомнила о Елене Степановне и решила не обижать человека. Да и посмотреть – вдруг ей опять нужно ехать к сыновьям? Продукты – вещь весьма тяжёлая, так что подвезти человека с большим грузом – просто-таки акт милосердия!

Елена Степановна обрадовалась так, словно на неё свалилась неслыханная милость:

– Уж я так жалела, что не спросила у тебя номер телефона! Что же ты так долго не приезжала-то??!

– Работы было очень много, я даже в детдом не ездила, только звонила. Больше месяца никуда не ездила.

Зою тут же усадили за стол чаёвничать, а это чаепитие оказалось полноценным обедом, причём всё было настолько вкусным, что вскоре стало невозможно съесть хотя бы ещё кусочек. Уж очень гостеприимной оказалась хозяйка!

– Знаю я, что ты времени на готовку не тратишь, хватаешь куски, а это не дело. Придётся мне и к тебе в гости ходить, заготавливать еду, чтобы и ты, как мои сыновья, только сварила или пожарила. А у тебя морозильник есть?

– Как не быть, конечно, есть.

– Отлично! И да – ты просто обязана с моими шалопаями познакомиться. А то они меня ругали – мол, помог человек, а они даже не имеют возможности поблагодарить.

– Не нужно благодарить, я всё равно ехала почти туда же. И хочу предупредить, что, если вы с меня не возьмёте денег за все продукты, которые вы мне выделяете, я больше к вам не поеду.

– А я тогда больше с тобой не поеду. Ты знаешь, сколько стоит довезти меня от дома до сыновей? Вот и посчитай, кто кому должен. Ты меня возишь, а я рассчитываюсь продуктами. А то как же иначе?

Договорились на половине стоимости продуктов – Зоя понимала, что ставить Елену Степановну в какую-то от себя зависимость нехорошо. Вроде как услугу оказываешь, а получается унижительная подачка.

Пришлось согласиться и на знакомство, тем более, что это никогда ничего для Зои не значило – ну, пополнится список знакомых людей ещё одним именем, но от этого никаких перемен не наступит.

Даниил, старший сын, оказался дома, младший, Андрей, ещё был в институте. Так что, когда подъехали и Елена Степановна позвонила в домофон, Даниил тут же спустился помочь.

– Вот она, Зоя её зовут. Сам номер машины запоминай и номер телефона спрашивай. Заодно и мне подскажешь, если забуду.

Сын и Зоя засмеялись, познакомились и стали обмениваться номерами телефонов. И тут им обоим пришлось покраснеть:

– А как хорошо вы рядом смотрите! – Елена Степановна была пряма в своей искренности до неприличия.

– И чего покраснелись? Вы же оба холостые, отчего бы вам и не пожениться? Вот бы мне такая невестка подошла!

Зое пришлось пресекать неловкость:

– Я уже говорила вам, Елена Степановна, что пока я не улажу проблемы удочерения, ни о каком замужестве и речи быть не может. И, кроме того, это для меня будет не то, что обычно понимается, а именно сделка.

– Сделка? – заинтересовался Даниил.

– Именно!

– А можно с этого места подробнее?

И Зоя объяснила: для гарантии позитивного решения дела по удочерению необходима полная семья. Но ей брак не нужен совершенно. Поэтому она готова заключить сделку: мужчина участвует в решении проблемы как её супруг, но перед визитом в загс будет заключён контракт, по которому всё имущество будет отдельным. Как приобретённое до брака, так и в период, пока этот брак будет продолжаться.

– Ибо нет зрелища мерзостнее, чем развод. Люди превращаются в бешеных гиен и делят всё, включая столовые приборы и средства для уборки. Не говоря уж о большем.

– А как же с ребёнком?

– Это тоже будет в контракте: после развода бывший муж обязуется не предъявлять никаких прав. Как и не будет нести никаких обязательств.

– Как интересно! А если брак превратится в настоящий?

– Крайне маловероятно!

– Но такой шанс ведь остаётся?

– Разумеется! – Зоя начинала сердиться. – Но в контракте будет пункт об исполнении так называемых супружеских обязанностей. Секс не будет считаться обязательным для исполнения.

Даниил ужасно удивился:

– Собираетесь в монахини?

– Разве монахини обзаводятся детьми?

– И то верно. А что так плохо относитесь к мужчинам?

– Я нормально к ним отношусь. Даже лучше, чем к соплеменникам. Но слишком тесные отношения с мужчинами сразу же съедают время, причём по нарастающей, как и энергию и финансы.

– Финансы?

– Конечно! Если дома я веду себя естественно, то для встречи с мужчиной нужны наряды, косметика, аксессуары и хорошее настроение. Всё это требует основательных затрат. И это я ещё не упоминаю о тех деньгах, которые можно было бы за это время заработать дополнительно.

– А зачем вам столько денег?

– Я коплю на квартиру. Да и девочка потребует внушительных трат. Вы в курсе, сколько стоит собрать ребёнка в школу?

– А она уже ходит в школу?

– Пока нет, ей только шестой идёт. Но я надеюсь, что мы будем жить вместе ко времени, когда Ксении будет пора в первый класс.

Зоя замолчала – она пыталась справиться с раздражением. Даниил наблюдал за ней и внезапно понял, что девушка-то – поразительно хороша! Тёмно-русые волосы оттеняли изумруд-

ную зелень глаз и белизну нежной кожи лица, тонкие пальцы сжимали ремешок сумочки, переброшенной через плечо... И вообще, ей очень хотелось распрощаться с новыми знакомыми.

– Я поеду, пожалуй, – почти спокойно сказала Зоя. – Всё-таки день сегодня практически пропал впустую. Надо хоть что-нибудь успеть сделать.

Они вежливо попрощались и Зоя отправилась домой, пообещав себе, что это знакомство иметь продолжения не будет.

Глава 5

Зоя ошиблась – знакомство продолжилось, хотя и не по её инициативе. В один из дней, когда Зоя возвращалась с работы, она не просто застряла в пробке. Она оказалась зажатой в лавине жестяных коробок, которые не могли сдвинуться с места потому, что впереди случилась авария. А в виде бонуса к этой аварии, внезапно прорвало трубу и автомобили мгновенно оказались в реке кипятка. Так что даже те, кто стоял в крайнем ряду и мог бы выскочить на обочину и дальше пойти пешком, не могли этого сделать – местность, включая тротуары, превратилась в кипящее озеро.

Внезапно у неё зазвонил мобильный. Она подняла трубку, раздражённая ситуацией, из которой не было выхода.

– Быть может, вас утешит, что я торчу рядом с вами – в крайнем левом ряду двумя машинами сзади? Увидел ваш номер и решил, что отвлечься на разговор будет некоторым облегчением.

Зоя немного повернула боковое зеркало и действительно увидела машину Даниила. Приятно, что и этому наглецу достался шанс искупаться в кипятке вместе с автомобилем.

– Боюсь, колёсам эта неожиданная ванна не очень понравится.

Не согласиться с этим предположением Зоя не могла – она сама опасалась, что в ближайšie дни придётся ходить пешком. Но вывод о необходимости занимать очередь в шиномонтаж можно будет сделать только завтра.

– И ещё, – не меняя тона, сказал Даниил, – я подумал, что могу стать участником необходимой вам сделки.

– А вам какая с этого выгода? – Зоя ни на секунду не усомнилась, о какой именно сделке идёт речь.

– Во-первых, мама перестанет меня пилить по поводу холостого состояния. Мы можем включить в контракт пункт, что при визитах мамы ко мне или наших к ней мы изображаем семью? Во-вторых, мне светит заграничная командировка, но туда предпочтительны кандидаты семейные. В-третьих, это обезопасит меня от различных охотниц за мужьями, от которых я уже устал отбиваться.

– Что, охота идёт столь активно?

– Представьте!

– Готова встретиться и обсудить условия.

– Если у вас есть наброски шаблона контракта, я сейчас пришлю адрес своей почты, а вы мне эту болванку сбросите. Будет разумным, если обе стороны будут участвовать в разработке условий. Во избежание будущих конфликтов.

– Согласна.

– Как только я его проанализирую и пришлю свои предложения, буде они возникнут, вы сможете просмотреть мои условия и тогда будет смысл приступить к согласованию аспектов.

– Отлично! Но чтобы что-нибудь прислать, надо выбраться из этого кипятка. Честно говоря, просто боюсь включать ноутбук – мало ли как он воспримет работу в таких условиях.

– Это не к спеху. Время-то ещё ведь терпит?

– Терпит.

Внезапно передние машины начали двигаться и они спешно попрощались. Шанс выбраться из этого переплёта настолько всех порадовал, что каждый чувствовал, будто ему преподнесли неожиданный подарок. Правда, перед этим окунув в выгребную яму. Эх, жизнь!

Дома Зоя первым делом включила компьютер: хоть он и был в специальной сумке, но пар от кипятка мог на нём нежелательно сказаться. Она перебрала весь новый материал на внеш-

ний диск и только тогда зашла в почту. Перебросила Даниилу контракт и успокоилась: ноутбук вроде бы работал нормально. Она надеялась, что так будет и впредь.

Так же она рассчитывала, что и с колёсами всё будет в порядке – она стояла почти у верха подъёма улицы, так что поток кипятка тёк мимо. А вот тем, кто был в самой нижней точке, не позавидуешь.

Зоя, тем временем, выяснила в органах опеки, может ли состояться удочерение при условии проживания родителей в корпоративном жилье. Особенно если учесть, что собственное жильё предвидится в ближайшем будущем: она готова предъявить выписку из банковского счёта и копию договора об участии в долевом строительстве. Выяснилось, что это препятствием не является, тем более, при таких обстоятельствах.

Значит, осталось только подписать контракт. Её не слишком волновало, что именно побудило Даниила предложить ей свою помощь. Озвученные им мотивы были его проблемами и его решениями. Если мотивы у него какие-то другие, то у неё ещё есть время и возможность эти мотивы выяснить и оградить себя от любых корыстных побуждений с его стороны. Контракт был ею составлен настолько тщательно, что вряд ли могут в будущем возникнуть проблемы.

Кроме той единственной, которую контракт учесть никак не мог: что у неё самой может возникнуть чувство ко второму участнику сделки. Но это казалось ей настолько нереальным, что она даже не задумывалась о таком обороте событий. Точнее, задумывалась, понимая, что ничто человеческое не чуждо и ей, но, в конце концов, решила, что это из разряда событий форс-мажорного ряда, а этого статуса она просто никогда не допустит.

Годы жизни, когда она могла полагаться исключительно на себя, приучили её великолепно владеть собой и полностью контролировать любую ситуацию. Эмоции она подавила так давно и надёжно, что даже к дочери относилась очень ровно и своё к ней отношение считала исполнением долга. Не более, чем. Возможно, когда-нибудь она себе позволит проявление эмоций, но не теперь, когда это может помешать исполнению планов.

Текст контракта вызвал у Даниила смешанные чувства: явно у Зои проблемы с мужской половиной человечества.

То, что всё имущество и финансы останутся отдельными – нормально. Но что брак будет, по сути, фиктивным – секс допускался только в случае согласия обеих сторон (на что, со стороны Зои, надеяться не приходилось), совместное ведение хозяйства практически исключалось, но присутствовало требование немедленно появляться и играть роль заботливого мужа и отца при посещении представителей органов опеки. Со своей стороны, Зоя принимала на себя обязанность при необходимости для Даниила играть роль его любящей жены на официальных мероприятиях.

Жить предполагалось отдельно, в тех же квартирах, в которых будущие супруги жили до момента заключения брака, но походы в гости и совместные развлечения не исключались.

Зоя же принимала на себя обязательство представлять перед матерью Даниила и иными нужными ему людьми любящей и заботливой супругой.

В тех случаях, когда Елена Степановна приезжает в город, они могли временно, несколько дней, жить в квартире Зои или, что не совсем удобно, поскольку пришлось бы втроём тесниться в одной комнате, в квартире Даниила. Но как только мать уезжает, всё возвращается на круги своя. Хотя Андрей уже вполне может жить самостоятельно – двадцать два года достаточно солидный возраст – но это вовсе не означает, что Зоя готова предоставить свою жилплощадь для постоянного проживания Даниила. У неё тоже только две комнаты, а поскольку одна будет занята Ксенией, то им пришлось бы жить постоянно в одной комнате. Или Зое перебираться к дочери, что неудобно и ей, и ребёнку.

Особенно Даниила «порадовал» пункт о полной свободе действий супругов: ни о какой супружеской верности речи не шло – каждый волен завязывать отношения любой сложности

и длительности с кем угодно. Если эти отношения потребуют расторжения брака – никаких препятствий вторая сторона создавать не имеет никакого права.

Даниил написал в ответ, что перед подписанием контракта хотел бы пообщаться на некоторые темы. Зоя согласилась.

Естественно, первым стал вопрос о её отношении к мужчинам. И если оно негативное, как следует из контракта, то чем это вызвано.

На этот вопрос Зоя отвечать отказалась. Точнее, о личных причинах. Но охотно заговорила о половой всеядности мужчин.

– Ведь это же ненормально! Если человек сознаёт себя сознательной и ответственной личностью, то непременно обладает набором вкусов, требований, предпочтений, условий при контактах с другими людьми. Но только не в половой сфере. «Всё, что шевелится», обязательно нужно «оприходовать»... А зачем? Какая в том нужда? Чем это вызвано, чем может быть объяснено? Поскольку явление имеет практически полный охват, ничем, кроме заболевания это объяснить нельзя.

– А нравственность?

– Она здесь не работает. Даже самые нравственные мужчины не откажутся завалить в постель свежую «красотку». Причём на эту неизбежность характеристики «красотки» практически не влияют. Даже женщины друга, брата оказываются в постели любого мужчины.

И мою мысль подтверждают ещё и многочисленные факты изнасилования. Это как «амок» – когда мозг мужчины отключается, он готов на насилие, причём даже групповое, только бы удовлетворить требования болезни.

К сожалению, никто не признаёт это болезнью и никто не занимается лечением. Более того, это считается не просто нормой, но даже где-то доблестью. Хотя что тут доблестного, не пойму.

И ещё – особо тяжело болезнь протекает у тех мужчин, кто не способен созидать. Люди, которые работают творчески – и это я не о музыкантах и архитекторах, но даже о токарях и металлургах – болеют этим помешательством в более лёгкой форме. То есть это нечто типа компенсации одного дефекта ложной победой в другой области.

Но победа ли это? Мозг не функционирует с должной отдачей и человек пытается компенсировать это деятельностью нижней части тела. Но творческий мозг работает постоянно, а тут – краткое во времени действие. И сколько таких кратких действий должно быть совершено, чтобы компенсировать длительную (уж не говорю – постоянную) мозговую работу, принёсшую явные результаты?

– Я не думал об этом с такого аспекта.

– А никто не думает. Приняли как данность и живут с этим.

– В этом причина твоего недоверия?

– Именно. Поэтому в контракте пункт об отсутствии требования так называемой супружеской верности. Статистика утверждает, что естественным образом её соблюдает примерно каждый сотый мужчина. Остальные больны и не в состоянии это делать. А насилие я исключая. Оно бесполезно, особенно в данном случае.

– А что будет, когда один из нас или оба влюбятся в супруга?

– Это вряд ли. Я бы предпочла сразу договориться о том, что таких поползновений лучше не делать. Наш контракт – сделка. И не более чем. Я готова принять на себя какие-то ещё обязательства (если перечисленных – недостаточно), но только не в этом плане.

– А всё-таки? Это ведь случается само собой.

– Я убеждена в обратном. Человек вполне способен контролировать собственные эмоции, просто ленится это делать. Особенно в тех случаях, когда потакание своим сиюминутным желаниям соответствует шаблонам поведения. Я считаю, что мы достаточно разумные люди, чтобы подобным шаблонам не следовать, а выбрать более разумную линию поведения.

– А зачем тебе вообще этот брак?

– Чтобы удочерить ребёнка из детдома. А как только органы опеки успокоятся, можно будет контракт считать исчерпанным. По крайней мере, если у одной из сторон возникнет в этом необходимость.

Нотариус, прочитав текст брачного контракта, удивился так, что даже на некоторое время потерял дар речи. Когда же обрёл снова, то спросил:

– Вы уверены?

– А вы уверены, что это ваше дело – разбираться в условиях контракта между двумя субъектами? Ваше дело – заверить текст. И ничего более. Так что выполняйте свою работу или мы сообщим вашему руководству о вашем неполном служебном соответствии.

Больше нотариус не пытался вмешиваться, а споро выполнил свои прямые обязанности: заверил документ и отпустил клиентов.

– Что теперь? – спросил Даниил.

– Теперь мы ходим в ЗАГС, заключим брак, получим свидетельство об этом и я начну собирать документы на удочерение.

– Мешало только отсутствие брака?

– Да. Потому что квартира – служебная, корпоративная. Это минус. Плюс отсутствие брака. Второй минус. И только один плюс – хорошая зарплата. Мне бы не хотелось проиграть.

– А шанс есть?

– Один плюс против двух более важных минусов.

– А теперь?

– А теперь сочетание изменилось на обратное.

– Ты так привязана к этому ребёнку?

– Да.

– Почему?

– Так сложилось.

– А если я тоже к ней привяжусь так же крепко? Нам придётся менять контракт?

– В плане?

– Если я захочу стать полноценным родителем?

– Вот когда «если» превратятся в факт, мы это обсудим.

Глава 6

Даниил рьяно помогал Зое собирать все бумаги, поехал с ней в органы опеки для подачи документов и на заседание комиссии по удочерению. Вежливо и старательно отвечал на все заданные вопросы, заявил, что очень хочет стать отцом ребёнка. Не удивительно, что комиссия приняла положительное решение: оба хорошо обеспечены, образованы, с положительным реноме, с хорошими карьерными перспективами...

Ксению забрали практически сразу, как только получили на руки документы об удочерении.

– И что, я теперь всё время будут жить с вами?

– Со мной, – ответила Зоя. – Но Даниил будет часто-часто приходить в гости и дружить с тобой.

– Но он не мой папа?

– Я твой папа, так и знай. Просто пока условия у нас на работе таковы, что мы пока не можем жить вместе. Понимаешь, квартира есть, но я не могу оставить брата одного. Он, конечно, уже большой, но всё-таки за ним лучше присматривать. Понимаешь?

Зоя была счастлива, что сбылась её пламенная мечта: теперь у девочки будет больше года, чтобы привыкнуть к нормальной жизни, освоить всё, что знают сверстники и она не будет выглядеть белой вороной.

Зоя взяла отпуск: они ходили по магазинам, приобретая девочке всё необходимое – от одежды и игрушек до планшета и книг. Попутно Зоя объясняла дочери что такое магазин, зачем ей столько разных одежек и как пользоваться планшетом.

Довольно часто к ним присоединялся Даниил, внося свою лепту в перечень того, что необходимо шестилетнему ребёнку. Зоя иногда восставала, поскольку предложения Даниила больше подошли бы мальчику.

– Ерунда! Нынче девочки столь же развиты, как и мальчики. Например, ты же водишь автомобиль? Владеешь компьютером? Умеешь починить почти всё в доме? За исключением сложной бытовой техники? Точно так же и мальчики. Я не мог бы починить, скажем, холодильник, без специальной техники и запасных деталей. Но понятия об этом у меня есть. Почему бы этим понятиям не быть и у девочки? Пригодится!

– Возможно, пригодится. Но лучше помнить, что она пришла из совсем другой жизни и это обилие информации может оказаться ей не под силу. Давай всё-таки как-то дозировать подобные вещи?

– Да я не против, давай.

Девочка оказалась на удивление смыслёной и Даниил, которому очень понравилось заниматься с ней, временами с трудом находил достойные ответы на заданные Ксенией вопросы. Но находил, хотя не всегда своими ответами оставался доволен.

Когда, в конце концов, девочка отправилась спать, Даниил озадаченно спросил у Зои:

– А как ты с ней управляешься, а?

– Так я её знаю очень давно, практически со времени рождения. Познакомились ещё в Доме малюток.

– А что ты там делала?

– Занималась благотворительностью.

– Почему выбрала её?

– Так получилось.

Внимательно на новоиспеченного своего супруга посмотрев, Зоя решила пресечь это дурное любопытство в самом зародыше:

– В контракте записано, что личная жизнь каждого неприкасаема. Я в твою жизнь не лезу, никаких вопросов не задаю. Почему ты себе позволяешь мне такие вопросы задавать?

– Просто хотелось понять, где ты её нашла.

– На вопрос «где» я тебе ответила. Но последовал вопрос «почему». А вопросы подобного рода мы друг другу задавать не вправе.

– Но мы же вроде семья.

– Именно «вроде». Я тебе чрезвычайно признательна за участие в удочерении, но эта благодарность будет иметь другие формы. Но не в виде ответов на твои неприличные вопросы. Даниил предпочёл сдать назад:

– Ладно, извини. Я как-то уже привык к тебе и к девочке, забылся. Впредь не повторится.

– Хочу тебе напомнить, что, если одна из сторон в течение года трижды нарушит условия контракта, он автоматически расторгается. И, исключительно из благодарности, нынешнее нарушение не засчитывается.

– Послушай, Зоя, мы ведь – живые люди, и подобные вопросы отнюдь не имели целью нарушить контракт. Это просто живое общение.

– Именно потому, что мы – живые люди, контракт и существует. Потому что, в какой-то момент, почти незаметно, переступается красная линия, а потом следуют рыдания, раскаяния, биение себя в грудь, клятвы впредь не повторять подобного, а как только всё успокаивается – следует вторая или очередная серия.

Не в нашем случае.

И да – ты вправе в любой момент контракт расторгнуть. Безо всякой причины, только по желанию.

– И ты не будешь возражать?

– Нет.

Первые полгода жизни по контракту прошли спокойно. Ксения быстро привыкла к домашней жизни, освоила почти всё, что ей предстояло освоить, только немного путалась с тем, настоящий у неё папа или нет. Что мама настоящая – тут у неё сомнений не было.

Зоя, согласно контракту, весьма удачно играла роль счастливой жены при контактах с матерью Даниила, Еленой Степановной. Правда та, женщина прозорливая, подозревала, что у них что-то не так, однако, не вмешивалась и никаких вопросов не задавала.

Зоя сопровождала мнимого мужа на все те мероприятия, где ему предписывалось представлять в сопровождении супруги. И она ни разу Даниила не подвела: ей рассыпали комплименты, пытались ухаживать, сожалели, что не были знакомы раньше... Зоя мило улыбалась и изящно сводила в ноль все попытки соблазнения. Пока один, сильно перебравший, не задал ей в лоб непозволительного вопроса:

– Это ты добровольно верная или тебя жестокий супруг обещал расчленить за измену?

– Если я когда-нибудь ему изменю (что вряд ли), то это точно будете не вы. Гарантирую!

Хулигана увели, а Зоя спросила, не пора ли им удалиться. И Даниил безропотно ушёл с вечера, который обещал несколько полезных встреч и приятных минут.

– Считаешь, я должен был дать ему в морду?

– Зачем? Потом пришлось бы долго руки отмывать. Просто это ещё одно подтверждение факта заболевания. А тут особо тяжкий случай.

Уже в автомобиле Даниил спросил:

– Послушай, а как ты вообще дошла до таких мыслей?

– В нескольких книгах мне встретились фразы вроде таких: этот мир устроен мужчинами для мужчин, а ещё – словосочетание «мужские потребности». Почему один орган тела (причём это совсем не мозг) диктует потребности всем остальным – уму непостижимо. Вывод однозначен: только к больному органу относятся с таким предпочтением и потакают ему во всех

прихотях. Я бы ещё поняла удовлетворение потребности в плане еды, питья или сна, но нет, потребности связываются только с этим одним органом.

Относительно устройства мира мужчинами я поинтересовалась даже Библией. А там сказано, что Бог создал мужчину и женщину в один и тот же день и вдохнул в них жизнь. Женщина получила жизнь не от мужчины, а от Бога. Но мужчины, позже, решили и постановили, что у женщины души нет. То есть оспорили Священное Писание. И даже не из желания совершить богохульство, а из настоятельной необходимости потакать больному органу. Потому что если Бог определяет суть женщины как помощницы мужчины, то превратить её в бессловесную рабыню можно только так: отрицать душу в женщине.

Обо всём остальном можно даже не упоминать – женское бесправие общеизвестно. Причём вне зависимости от времени, страны, господствующей религии, типа устройства государства и прочих данных. Мужчина – царь и бог, женщина – глупое и бесправное существо. При этом у мужчины «мужские потребности», а у женщины полное отрицание вообще каких бы то ни было потребностей и возможностей эти, даже жизненно важные, потребности удовлетворить. И я не об удовлетворении синхронного органа, а об обычных потребностях для нормальной жизни, например, в отдыхе. При этом женщины ещё всегда виноваты во всём, что у мужчин не получилось. Даже если она понятия об этом не имела.

– Это ты феминистка?

– Да ни разу! Это такие же ненормальные, как вот этот, с вечера. И неважно, употребляли они горячительное или нет. «Разруха в головах».

– А что тогда ты?

– Кто угодно, только не феминистка.

– Но ведь ты тоже толкуешь о правах.

– Я толкую об исторических фактах. Но при этом не иду ни на кого в атаку. Считаю, что мир мгновенно измениться не может. Многие мужчины прекрасно понимают, что мир несправедлив и делают всё, чтобы его изменить к лучшему. А фанатики никогда делу не помогли.

– Может быть, мне зайти? – спросил Даниил, когда довёз Зою к дому. – Вдруг Ксения ещё не спит?

– Если няня допустит, чтобы шестилетний ребёнок не спал в одиннадцать вечера, я её уволю.

– А как ты узнаешь?

– Мне установили камеры. Неужели я бы доверила ребёнка человеку, которого не могу контролировать?

– И ты каждый вечер просматриваешь записи?

– Конечно.

Даниил хмыкнул: сурова ты, однако!

Он думал о Зое – до чего же странная она женщина. То есть, она вполне нормальная и успешная, но её отношение к мужчинам довольно странное. Хотя ей нельзя отказать в логике: всё так и есть. Мужская измена считается чем-то обычным, привычным, почти нормальным. Хотя каким образом измена могла переключиться в статус нормы – уму непостижимо. И приходится признать, что этому весьма способствовало низведение женщины в бесправие.

Но, наверняка, в жизни Зои что-то ещё случилось такого кардинального, что она этот вопрос рассмотрела куда более внимательно, чем другие. Даниил знал, что отец практически отрёкся от Зои достаточно быстро после смерти жены, сделав её полной сиротой в достаточно юном возрасте. Когда человек сиротеет в результате смерти обоих родителей, это как-то легче вынести. Но когда один из них всё-таки жив, но выбрасывает тебя из своей жизни...

Даниил не спрашивал, искала ли его Зоя, встречалась ли, вступала в контакт (или отвечала на его попытки примириться), но почему-то был уверен, что если отец и попытался бы

вернуть дочь, то потерпел бы поражение. И даже не потому, что она столь сурова, а потому, что не прощает предательства. Никакого и ничьего. Предатель он предатель и есть.

Выходные Зоя всегда проводила с дочерью. Даниил довольно часто присоединялся к ним, как в этот раз. Правда, он собирался подойти к торговому центру позже, когда они уже купят всё, что собирались.

Нагруженные покупками, они решили зайти в кафе-мороженое, располагавшееся на первом этаже центра. Когда им уже принесли заказ, Ксения вдруг принялась и решительно заявила:

- Где-то горит!
- Горит? Где?
- Наверху. Там, где мы только что были.

Зоя решительно схватила пакеты, Ксению и ринулась к выходу. К сожалению, кафе располагалось в крайней секции этажа, а выход – в центре. А запах гари уже почуяли все. И тоже ринулись на выход. Создалась неопишуемая в панике толпа. Но Зоя не могла себе позволить сгореть. Не столько себе, сколько ребёнку. И она, весом меньше пятидесяти килограмм, превратилась в такой таран, что вынесла не только дочь, но и целую группу детей, причём некоторых – с матерями и покупками.

Двери центра, после такого натиска, заклинило в одном положении и толпа торопливо высыпалась в оба проёма, грозя вынести и двери, и проёмы, и часть стены первого этажа.

Немного отбежав от центра, Зоя внезапно угодила в объятия Даниила, о котором забыла напрочь.

- Что случилось? Почему паника?
- Пожар.
- Идите в машину, я сейчас.

Они пошли к машине не потому, что были склонны к послушанию, а потому, что и сами собирались так поступить. Даниил же ринулся к центру, но войти в центральные двери было просто невыносимо. Тогда он помчался направо, в поисках второго входа, служебного, запасного. Этот выход был закрыт намертво, хотя, по логике, его тоже следовало открыть. Даниил был крупный мужчина и так ударил ногой в область замка, что он тут же приказал долго жить. И Даниил помчался помогать попавшим в западню людям. Буквально через пару шагов он наткнулся на тыл толпы и направил часть людей в эту дверь.

Перебраться на другую сторону через убегающих в панике людей оказалось невыносимо и он вернулся во двор через открытую им дверь. Оббежав здание, от отыскал ещё одну дверь в левом торце и точно так же открыл её. Ещё часть людей получила возможность спастись.

Даниил хотел было подняться наверх, но это было невозможно – столько людей стояло на лестнице, что преодолеть этот затор можно было только по головам. Он снова вышел на улицу, решив поискать пожарную лестницу, но обнаружил, что пожарные уже на месте. Он сообщил им обстановку и они, оценив все три потока людей, сразу же выдвинули лестницы и стали взбираться, чтобы попасть на верхние этажи.

Глава 7

Машины Зою не было: она увезла ребёнка, снова забыв о Данииле. Он поехал к ним домой. Она открыла и ужасно удивилась, увидев его на пороге. То, что она находится в жутком шоке, обнаружил вопрос:

– А ты что тут делаешь?

– Зашёл узнать, как вы.

– Мы? Мы нормально. А ты как?

– Ничего, немного гари наглотался, а так нормально.

– Гари? Где?

– Ты что, не помнишь, что вы сами там были сегодня, в этом торговом центре? Ты же покупки домой принесла?

– Да. Но там ничего подобного не было.

– Я войду? Показывай, что купили.

Большая часть покупок была ещё не распакована. Даниил поднял пакеты, понюхал и убедился, что они тоже пропахли гарью.

– Я ужасно испугалась. Я не хочу говорить об этом.

– У тебя есть чем снять стресс?

– Я потом полежу в ванной.

– А спиртное?

– Не люблю.

– Это будет лекарством. Снять стресс.

Зоя пить отказалась, но предложила Даниилу.

– Да у меня-то шока нет.

Он внимательно посмотрел на Зою и сказал:

– Впредь мы всегда будем ходить вместе. Если бы я был с вами, всё обошлось бы куда легче.

– Всё обошлось легко потому, что мы были на первом этаже, а не на третьем. А были бы наверху, твоё присутствие ничего не изменило бы.

– Изменило бы. Я бы потушил огонь.

Зоя хмыкнула.

– Проще выбирать те магазины, которые располагаются на первом этаже. И потом – мы уже практически всё купили. Так что в ближайшее время нам никуда не понадобится.

Зоя предложила Даниилу, вместо выпивки, кофе или чай, но он отказался и от того, и от другого.

– Я предпочёл бы поговорить с тобой.

– Давай поговорим.

– Знаю, что тебе моё предложение не понравится, но ты не торопись его отвергать. Как насчёт того, чтобы наш брак стал настоящим?

– Это ты о чём?

– Именно о том, о чём ты подумала.

– Нет.

– Почему?

– Если я когда-нибудь сочту возможным доверить наши с Ксенией две жизни кому-то из вас, неизлечимо больных, считай, что я лишилась разума. Потому что иначе это квалифицировать нельзя.

– Но как же все прочие женщины мира, которые по доброй воле влюбляются и выходят замуж?

– За редким исключением, они глупы. И я согласна с тезисом «бабы – дуры». Они уверены, что ради них, их великого чувства, мужчина изменится, перевоспитается. Но этого не случается никогда. Потому что ни женщины, ни мужчины не осознают, что последние больны. И не они руководят болезнью, а она ими. И начинаются трагедии: она любит, он спит с каждой встречной, она страдает от измен, вызывающих скандалы, довольно часто чреватые убийствами. Считаешь, это как раз то, о чём я мечтаю?

– А если мы внесём пункт о верности в контракт?

– Зачем? Чтобы ты меня убил после первой же измены?

– Но почему я должен тебя убить?

– Если такой пункт будет внесен, то наказание за его нарушение будет суровым. Для начала – всё твоё или моё имущество переходит ко мне, к нам с дочерью или к тебе. Но я-то изменила бы вряд ли. Так что...

Во-вторых, ты будешь отдавать нам с Ксенией половину всех своих заработков всю оставшуюся жизнь. И будешь выполнять всё, чего мы от тебя потребуем. Ты всё ещё хочешь внести этот пункт в контракт?

– Да. Потому что я не собираюсь изменять.

– А мужчины никогда не собираются, но делают это постоянно. Кроме того, ты постоянно норовишь задавать личные вопросы. Я тебе не задала такой вопрос ни разу. Ты помнишь, что в случае нарушения этого пункта после третьего раза контракт прекращается?

– Но что плохого в том, что я хочу быть тебе настоящим мужем? Я, может, влюбился?

– Ты уверен, что не путаешь чувство, которое исходит из сердца, с эманациями твоей нижней чакры?

– Совершенно уверен.

– Именно поэтому ты заговорил о внуке для твоей мамы.

– Просто её слова совпали с моими намерениями.

Зоя пожала плечами:

– Я не собираюсь ничего менять. Меня устраивает нынешнее положение вещей. Если оно не устраивает тебя, мы можем прекратить действие контракта в любую минуту. Такое условие в нём есть.

– Но я не хочу его прекращать.

– Тогда соблюдай условия. И если первый раз я нарушение не засчитала, дальше это будет происходить автоматически. Напоминаю, что их всего три. И я хорошо считаю.

– Я тоже неплохо.

Даниил сменил тему:

– Ты не будешь возражать, если я иногда буду забирать Ксению из детского сада? А няня пусть отдохнёт.

– У неё и так два выходных при половине рабочего дня.

– Неважно. Она будет считаться на работе, а с ребёнком буду заниматься я. Мне бы тоже хотелось что-нибудь для неё сделать.

Зоя пожала плечами: вольному воля. Но тут Даниил совершил крупную ошибку:

– Знаешь, я очень рад, что у меня есть дочь.

– Это моя дочь! – вид и тон Зои был страшен.

– Юридически и моя.

– Как только закончится контракт, ты откажешься от родительских прав. Это тоже там прописано.

– Но я не собираюсь его прерывать. Я собираюсь тебя завоевать.

– Напрасно потратишь силы и время.

– Так мы сходим погулять? Ты же собиралась полежать в ванной?

Зоя возражать не стала и они ушли – Даниил собрался купить Ксении её первые роликовые коньки и сразу же начать учить кататься на них. Свои он тоже прихватил – если Ксения освоится достаточно быстро, то чтобы не бегать за ней, а кататься вместе.

Ксения оказалась очень восприимчивой ученицей и практически сразу же поехала на коньках так, словно делала это уже не первый день. Так что коньки Даниилугодились буквально через полчаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.